

Уровень реки понизился на метр, а Юра ещё не готов осуществить главный план своего пребывания в джунглях Калимантана — нырнуть в потерпевший крушение авиалайнер, отыскать в нём коллегу, освободить от руки друга кейс с документами и благополучно вынырнуть. Только ласт, сконструированных им из трав и папоротников, недостаточно для осуществления заветной цели. Теперь он ныряет с бамбуком и тренируется под водой сделать из него пару вдохов. Воздуха в пустоте бамбукового баллона для этого достаточно. Погрузиться на глубину и вдохнуть из него, не выпустив остатки, пока не получается. Но это вполне осуществимая идея, надо только потренироваться. Или придумать какой-то клапан, удерживающий воздух от самопроизвольного выхода, но позволяющий вдыхать. Жаль, что здесь не растёт каучуковое дерево. Можно было бы сделать эластичную трубку и пережимать её зубами. Он выныривает в очередной раз.

Где-то в стороне деревенок за поворотами залива слышен гул лодочного мотора. Молнией промелькнула мысль о приближении людоедов. Ильич быстро подплывает к берегу и скрывается в прибрежных джунглях. По просторам озера несётся лодка. В ней четверо мужчин. Они о чём-то говорят, перекикивая гул мотора.

Часть слов доносится на индонезийском, часть на языке племени. Ничто не указывает на их склонность к канибализму. На мужчинах белые лёгкие пиджаки или свободные рубахи местного фасона. Тёмные брюки или шаровары обтягивают колени, видимые из-за борта

судёнышка. Головных уборов нет, волосы аккуратно подстрижены. Все безбородые. Один пассажир усатый.

«Зря опасался. Вполне цивилизованная публика. Возможно, что за поворотами озера есть ещё деревенька, и люди плывут в неё. Там у них могут быть дела. Могут плыть, чтобы навестить родственников или просто расслабиться без своих женщин. Обычно жёны ограничивают мужей в принятии спиртного, а это не всякому по нраву», — рассуждает лесной житель.

Лодка зашла за островок с кострищем, и гул мотора прекратился. Мужчины приплыли на пикник. Любопытство, можно ли не опасаться этих цивилизованных на вид людей, подталкивает Юрия увидеть подробности праздника ближе. Но свидетельства былых пиршеств на островке, обнаруженные во время прошлого посещения, обостряют инстинкт самосохранения.

Ма и Ня неотступно следуют за другом, перелетающим по ветвям к месту отдыха приплывших аборигенов. По воде было бы около полукилометра, по берегу вдвое больше. Увидев сквозь ветви людей, обезьяны забеспокоились. Ничего необычного человек из чащи не замечает, но понимает, что опыт общения орангутанов с людьми оправдывает поведение приматов.

Ильичу виден костёр. Из него достают какие-то овощи, формой похожие на дыню. С горячих «блюд» счищают кожуру, а мякотью закусывают пьянящий напиток. Или пирующие отдыхающие, наоборот, запивают неизвестный тропический овощ. О, как давно жертва авиакатастрофы не ела варёного, жареного и печёного! Получить огонь трением ему не удалось. Очков, чтобы сделать водяную линзу, Юрий не имеет. В меру солёная горячая пища может быть только в мечтах и в воспоминаниях.

Только здесь, при виде трепещущего пламени костра, он осознаёт, что не пытался получить огонь вполне доступным для него способом — от искры, выбитой из камней. Камни послужили при изготовлении оружия, но могут оказаться полезными и для получения огня. Как и участники пикника, он давно мог бы обжаривать над огнём плоды, готовить окорока из рыбы или из мяса.

«Мясо тропических змей, диких кроликов и птиц, которое случалось есть сырым, будет ещё вкуснее, если его обласкает пламя костра», — размечтался Юра.

Люди отдыхают, и ему хочется подойти к ним, пообщаться. Попытку сделать это останавливают орангутаны. Ма начинает издавать предостерегающие звуки так громко, что её могут услышать на острове. Приходится оставить идею о контакте с незнакомцами, чтобы не подвергать друзей опасности. Да и только ли их? При прошлом посещении островка около кострища им обнаружено немало и обезьяньих, и человеческих костей. Именно тогда у него возникло предположение, что где-то рядом живут людоеды. За поворотами озера только две деревни. Людоеды могут быть только оттуда.

Аборигены раздеваются, оставляют костёр и форсируют отмелевшую проточку по известному им броду. Один из них набивает патронами обойму пистолета. У двух его попутчиков из лодки появились ружья, похожие на карабины. Один охотник — с трубкой, стреляющей отравленными стрелами. О таком оружии некоторых народов Ильичу известно из школьного курса. Охотники, теперь в этом нет сомнения, уже близко. Слышна речь то на индонезийском, то на языке даяков, населяющих соседние деревеньки. Слово «орангутан» слышно отчётливо. Известно человеку в засаде и то, что аборигены убивают мать, чтобы забрать обезьяньего детёныша для продажи.

Ма и Ня, а вслед за ними человек, поднялись выше и затаились. Люди прошли, не подозревая слежки. Верхолазы успели проголодаться и, удалившись от места наблюдения, вкушали дары джунглей, когда слышались голоса приближающихся охотников. Охота обошлась без выстрелов.

«Если вблизи есть орангутаны, кроме моих друзей, то им крупно повезло», — отмечает пленник джунглей, продолжая обедать.

Двое вышли на берег в стороне от брода, другие сориентировались очень точно. Юра предположил, что неудачной охотой пикник заканчивается, но ошибся. Мужчины подбросили дров в догорающий костёр, выпили и пустились в пляс. Танец обнажённых мужчин больше напоминает ритуальную дикарскую дань обычаю.

Что случилось дальше, предположить было невозможно. Самый молодой из мужчин резанул по горлу своего соседа по танцам. Остальные, будто ничего не произошло, продолжают танцевать. Убийца отрезает голову поверженного и, высоко

подняв над собой, присоединяется к танцующим. Кровь обгаряет обладателя трофея. На островке все словно обезумели во время варварского танца. Но начинается ещё больший ужас.

Ильичу не хочется видеть продолжение кровавого пиршества, но он, как замороженный, не может сдвинуться с места. Словно осознавая варварство людей, орангутаны сидят неподвижно. Прошло немало времени, а участники необычного пикника продолжают ненадолго прерывавшийся танец. В поднятых руках того же юноши уже не голова, а череп. Даже издали видно, что он пуст. Мягкие ткани срезаны и съедены. Внутренности высосаны.

Бр-р-р!

У Юрия кружится голова, его тошнит. Осторожно, чтобы не сорваться и не привлечь внимание людоедов, отрезающих от жертвы филейную часть, человек разумный и его друзья бесшумно покидают пункт наблюдения. Инстинкт обезьян в очередной раз помог их другу остаться невредимым.

«Не укладывается в сознании, что с виду цивилизованное общество соблюдает обычаи полудиких предков. Значит, кроме мусульманства, буддизма, католицизма и протестантизма, здесь поклоняются языческим богам аборигенов, чтят их дикарские традиции и обряды».

В МГИМО Юрий изучал не только языки народов стран, в которых ему предстоит работать, но и их обычаи, традиции. Ильич догадывается, что после пиршества ночью в деревне будет совершён обряд посвящения в мужчины. Этот молодой убийца перестанет считаться мальчиком, станет полноправным членом общины, сможет жениться.

Неважно, знал ли жертва каннибализма, что обречён именно он, — всё одинаково бесчеловечно. Как и допускал Юрий, возвращались с пикника в сумерках. Проплыли, не подозревая о присутствии чужого человека. Смотреть на обряд посвящения в мужчины желания не появилось.

Потрясённый варварством, «калимантанец» в остаток дня не стал даже продолжать тренировку на длительность погружения.